

Правосубъектность «электронного лица»: теоретический анализ

Тютчева Евгения Сергеевна

Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань, Российская Федерация)
магистрант, e-mail: estiutcheva@mail.ru.

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена вопросу возможности использования существующих концепций правосубъектности при конструировании правового статуса искусственного интеллекта. В статье рассматриваются его свойства в сравнении с физическими и юридическими лицами, делается вывод о том, что полное использование правосубъектности таких лиц, как правового базиса при разработке соответствующей правосубъектности у «электронного лица», является некорректным. Отдельно рассмотрен вопрос об ответственности искусственного интеллекта. В работе акцентируется внимание на недопущении смешивания понятий объекта и субъекта права в отношении искусственного интеллекта, обозначаются тенденции в развитии правового регулирования его правосубъектности, делается вывод, что в настоящих современных условиях «электронное лицо» наиболее близко по своему содержанию к понятию «квазисубъект».

Ключевые слова: правосубъектность, искусственный интеллект, электронное лицо, ответственность, субъект права, объект права, квазисубъект.

Legal Personality of an “Electronic Person”: Theoretical Analysis

Evgeniya S. Tiutcheva

Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation)
candidate for a master's degree; e-mail: estiutcheva@mail.ru

ABSTRACT

The article is devoted to the question of the possibility of using existing concepts of legal personality in the construction of the legal status of artificial intelligence (AI). The article examines the properties of AI in comparison with individuals and legal entities, and concludes that the full use of their legal personality as a legal basis for the electronic person's legal personality is incorrect. Separately it's considered the issue of the AI's responsibility. The paper focuses on the prevention of mixing the concepts of the object and subject of law in relation to AI, identifies trends in the development of legal regulation of its legal personality, and concludes that in these modern conditions, the “electronic person” is closest in its content to the concept of “quasi-entity”.

Keywords: legal personality, legal status, artificial intelligence, electronic person, responsibility, subject of law, object of law, quasi-entity.

В настоящее время тема правосубъектности искусственного интеллекта приобретает особую актуальность, что вызвано стремительным развитием технологий и все большей автономностью различных носителей такого интеллекта (роботов, устройств, систем и т. д.), именуемых также юнитами искусственного интеллекта¹. В правовой науке, в том числе и на международном уровне, появляются различные исследования и предложения, посвященные «возможному юридическому конструированию и признанию определенной специфической правосубъектности систем искусственного интеллекта»². Интерес к этой теме также подогревают такие часто упоминаемые в научной литературе события как предоставление подданства Саудовской Аравии роботу Софии³ и активные обсуждения о взаимодействии созданных по человеческому подобию машин и общества.

Так, в 2017 году Европейский Парламент в своей резолюции «Нормы гражданского права о робототехнике»⁴ указал на необходимость определить в перспективе для роботов особый правовой статус — статус «электронного лица», предоставляющий им возможность принимать независимые

¹ См.: Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы. Дис. канд. юрид. наук. М.: РГАИС, 2018. С. 5.

² Морхат П. М. Правосубъектность юнита искусственного интеллекта: некоторые гражданско-правовые подходы. Вестник Костромского государственного университета, 2018. № 3. С. 280.

³ См.: Морхат П. М. К вопросу о правосубъектности «электронного лица». Юридические исследования, 2018. № 4. С. 1–7.

⁴ См.: European Parliament Resolution of 16 February 2017 with Recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)) [Electronic Электронный ресурс]. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0051_EN.html (дата обращения: 03.02.2022).

решения, взаимодействовать с другими субъектами и нести ответственность за свои автономные действия. Это отчасти связано с тем, что искусственный интеллект все больше внедряется в различные социальные практики: медицина, транспорт, договоры (моделирование условий в смарт-контрактах) и др. Эти процессы требуют конкретных инструментов регулирования функционирования юнита, что в первую очередь предполагает решение вопроса о его юридической природе как субъекта или объекта права; поскольку это будет исходной точкой для последующей регламентации его деятельности (действий, бездействий, возможностей их совершения, пределов и т. д.), последствий такой деятельности, а главное, определения роли человека в отношениях, в которых участвует искусственный интеллект.

Однако в настоящий момент проблема надделения юнита свойствами субъекта права трудно решается в силу ряда причин. Одна из них заключается в отсутствии теоретической основы, базовых положений, которые могли бы сконструировать модель правосубъектности искусственного интеллекта, учитывающую его особенности. Существующие концепции правосубъектности, которые предлагаются в качестве такой основы⁵, в полной мере не могут ею выступить, что обосновывается и является предметом исследования данной работы.

Концепция «электронного лица», предлагаемая для урегулирования искусственного интеллекта как субъекта, является качественно новой и ранее неизвестной праву. Джоанна Брайсон, Михалис Диамантис и Томас Грант особо подчеркивают, что введение термина «электронное лицо» указывает на ясное намерение придать некоторым интеллектуальным артефактам (в том числе и юниту искусственного интеллекта) статус личности⁶, а значит, наделять соответствующей правосубъектностью. Учитывая позицию, что сущность (субъект), которая каким-либо образом разумна или сознательна, имеет моральное право на собственный правовой статус⁷, указанная концепция демонстрирует, что приобретающая автономность и саморегулирование система искусственного интеллекта начинает претендовать на то, чтобы иметь определенные способности и права. Несмотря на то, что она не является человеком, может презюмироваться, что система обладает необходимым интеллектом, уровнем психологического развития и даже самосознанием, что и человек, чтобы считаться правосубъектной, а также равна по своим возможностям физическому лицу⁸.

Таким образом, при исследованиях и разработках правового статуса искусственного интеллекта наблюдается использование концепции правосубъектности физического лица. Вопрос о ее применимости является спорным и остается неразрешенным и главным образом касается критериев надделения искусственного интеллекта правосубъектностью и соотношения этих критериев с критериями правосубъектности физического лица.

Считается, что «современный рационалистический подход к человеческой уникальности с точки зрения права на правосубъектность»⁹ в общем виде основан на способности человека к сложному мышлению, коммуникации и технологиям¹⁰. Учитывая, что одна из основных задач искусственного интеллекта — это воспроизведение интеллектуальной деятельности мышления человека¹¹, то юнит хоть и не в полной мере в настоящее время, но отвечает заданному критерию. В научной литературе в продолжение этой мысли указывается, что на ранних этапах биологического развития человек тоже не обладает той полнотой мышления, как взрослый человек, но тем не менее признается субъектом права¹², что свидетельствует о гибкости этого критерия. Однако,

⁵ См.: Крысанова Н. В. К вопросу о правосубъектности и правовом развитии искусственного интеллекта / Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. Реферативный журнал, 2021. № 1. С. 24–25.

⁶ См.: Bryson J. J., Diamantis M. E., Grant T. D. Of, for, and by the People: The Legal Lacuna of Synthetic Persons [Электронный ресурс]. University of Cambridge Faculty of Law Research Paper, 2018. No. 5. URL: https://www.researchgate.net/publication/320046311_Of_for_and_by_the_people_the_legal_lacuna_of_synthetic_persons (дата обращения: 03.02.2022).

⁷ См.: Weitzenboeck E. M. Electronic Agents and the Formation of Contracts. International Journal of Law and Information Technology, 2001. Vol. 9. No. 3. P. 204–234.

⁸ См.: Hubbard F. P. Do Androids Dream? Personhood and Intelligent Artifacts. Temple Law Review, 2011. Vol. 83. P. 405–474.

⁹ Морхат П. М. Правосубъектность юнита искусственного интеллекта: некоторые гражданско-правовые подходы. Вестник Костромского государственного университета, 2018. № 3. С. 281.

¹⁰ Hubbard F. P. Do Androids Dream? Personhood and Intelligent Artifacts. Temple Law Review, 2011. Vol. 83. P. 418.

¹¹ См.: Лаптев В. А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу / Право. Журнал Высшей школы экономики, 2019. № 2. С. 79–102.

¹² См. там же.

несмотря на то, что искусственный интеллект и человека, действительно, объединяет способность думать, в силу совершенно иной природы осуществляется это по-разному и с отличительными возможностями¹³. Соответственно, можно ли поставить знак равенства между физико-химическим процессом мышления человека, осложненным внутренними социально-психологическими регуляторами, и «совершением действий, неотличимых от обдуманных»¹⁴ искусственного интеллекта?

Что касается способности к коммуникации, то есть к общению, то применимость этого критерия также спорна. Если общение сводится исключительно к обмену информацией между субъектами, то такое понимание хотя бы с технологической точки зрения соотносимо с сущностью искусственного интеллекта. Однако учитывая, что характеристики человека не ограничиваются только физико-биологическими, коммуникация предполагает также контакт, который осуществляется через призму внутреннего отношения к миру, «через обогащение субъектом своей жизнью жизни всех других субъектов»¹⁵. Возможность устанавливать искусственным интеллектом подобные контакты ставится под вопрос, поскольку во многом связана с процессом рефлексии.

В связи с этим еще одной важной характеристикой физического лица как субъекта права выступает самосознание. Именно оно показывает всю многогранность сущности человека, отличает его от других субъектов и объектов права, демонстрирует наличие внутренних регуляторов, которые влияют на деятельность человека, что отражается на его способностях, а значит, правах, обязанностях и ответственности.

Нередко при рассмотрении данного вопроса понятия «сознание» и «самосознание» смешиваются. В связи с чем приводятся доводы о том, что сознание не является необходимым или достаточным условием для правосубъектности, поскольку, с одной стороны, «полностью сознательные физические лица, такие как дети, рабы, были лишены полной правосубъектности, а с другой — люди, временно не обладающие сознанием, например находящиеся в коме или спящие, на этом основании ее не лишаются»¹⁶, хотя и в некоторых случаях подвергаются довольно резким ограничениям своих прав¹⁷. Высказываются точки зрения, что принятый на законодательном уровне определенный минимальный стандарт наличия (фиксации) конкретной степени сознания у юнитов искусственного интеллекта мог бы расширить возможности для признания их правосубъектности¹⁸.

Однако сознание и самосознание представляют собой разные понятия, поскольку последнее не ограничивается только наличием психических процессов, активно участвующих в осмыслении окружающего¹⁹.

Если обратиться к философии, то для самосознания важным является «выделение человеком себя из объективного мира, осознание и оценка <...> себя как личности, своих поступков, действий, мыслей, чувств»²⁰, то есть сопоставление себя и объективного мира.

В своей «жизнедеятельности» с учетом развития технологий робот и любой другой носитель может и не контролироваться человеком, иметь возможность умело копировать и воспроизводить некоторые аналогичные человеческие процессы. Однако юнит не проходит социализацию, у него отсутствует нравственность, интуиция, характер и прочие составляющие физического лица, которые связаны с его осознанием себя, влияют на морально-нравственный багаж и лежат в основе его деятельности и принятии решений. Несмотря на то, что «разумный робот» может считывать данные из окружающей среды, взаимодействовать с внешними условиями и адаптировать свое поведение²¹, обладает высоким уровнем автономии и самокоррекции, у него отсутствует эмоционально-чувственная оценка окружающей действительности, и анализировать информацию через внутренние регуляторы он не способен. Этот аспект является крайне важным при установлении прав, обязанностей и пределов ответственности, которые объективно должны соответствовать возможностям и способностям искусственного интеллекта.

¹³ См.: Иоселиани А. Д. «Искусственный интеллект» vs человеческий разум. Манускрипт, 2019. Т. 12. С. 102–107.

¹⁴ См.: Turing A. Computing Machinery and Intelligence. Mind, 1950. Vol. 59. No. 236. P. 433–460.

¹⁵ Философский словарь / Под ред. Фролова И. Т. М.: Политиздат, 1991. С. 309.

¹⁶ Морхат П. М. Юнит искусственного интеллекта как электронное лицо / Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция, 2018. № 2 С. 63.

¹⁷ Chopra S., White L. Artificial Agents — Personhood in Law and Philosophy [Electronic resource]. ESAI, 2004. URL: <http://www.sci.brooklyn.cuny.edu/~schopra/agentlawsub.pdf> (дата обращения: 03.02.2022).

¹⁸ См.: Willick M. S. Artificial Intelligence: Some Legal Approaches and Implications. AI Magazine, 1983. Vol. 4. № 2. P. 5–16.

¹⁹ Философский словарь / Под ред. Фролова И. Т. М.: Политиздат, 1991. С. 416.

²⁰ Там же. С. 398.

²¹ См.: Лаптев В. А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу / Право. Журнал Высшей школы экономики, 2019. № 2. С. 79–102.

Если обратиться к такой широко известной фикции, как юридическое лицо, то она также не может выступить аналогией для конструирования правосубъектности искусственного интеллекта. Существенным различием юнита и юридического лица является отсутствие материальной формы последнего. Де-факто воля и действия физических лиц, стоящих за юридическим лицом, трансформируются в его действия и волю, что исключает их полное независимое друг от друга существование, отсутствие возможности физического лица контролировать юридическое лицо и позволяет последнему реализовывать все элементы правосубъектности.

Однако в отношении юнита ситуация осложняется его материальным воплощением, способностью к самостоятельному воспроизведению действий, отсутствием полноценного контроля со стороны физического лица, в связи с чем наделить искусственный интеллект статусом субъекта, используя конструкцию правосубъектности юридического лица, возможно только с технической точки зрения (фикции). Однако решение технического вопроса не объясняет в полной мере юридическую природу такого наделения, которая несопоставима у юнита и юридического лица.

При исследовании правосубъектности важно также уделить внимание вопросу юридической ответственности. В существующих «правовых и социальных условиях вопрос о гипотетической ответственности искусственного интеллекта <...> по мнению ряда ученых, носит тупиковый характер»²².

Прежде всего, это вызвано невозможностью юнита соответствовать всем необходимым условиям наступления юридической ответственности. В первую очередь, это касается такого условия, как вина, поскольку она предполагает субъективную оценку своих действий, отношение к ним, что напрямую связано с процессами самосознания и рефлексии, которые, как уже было отмечено ранее, отсутствуют у систем искусственного интеллекта.

К примеру, Г. Халлеви, рассуждая об уголовной ответственности искусственного интеллекта, подчеркивал, что важным является такой элемент ответственности, как субъективная сторона преступления, которая отсутствует у последнего ввиду невозможности осознавать им последствия своих вредных действий²³. Эта позиция применима и к гражданским правоотношениям, где условием гражданско-правовой ответственности тоже выступает вина.

Кроме того, основанием возникновения юридической ответственности является неправомерное деяние (правонарушение) и, как следствие, одним из условий ее наступления является противоправность. Однако учитывая, что статус искусственного интеллекта не определен, оценка его деяний с точки зрения противоправности, в том числе во взаимосвязи с другими условиями, в совокупности с которыми неправомерное деяние приобретает правовое значение, становится невозможным, поскольку ответственность объекта права исключена. Решение этой задачи также стимулирует необходимость четкого определения статуса искусственного интеллекта.

В таких условиях законодатель возлагает ответственность за неправомерные последствия функционирования промышленных роботов на их владельцев, производителей или операторов²⁴. В рекомендациях Парламентской ассамблеи Совета Европы «Слияние с технологиями, искусственный интеллект и права человека» от 28 апреля 2017 г. № 2102²⁵ также прямо указано, что ответственность за деяния искусственного интеллекта лежит на человеке независимо от обстоятельств произошедшего.

Таким образом, возникают вопросы о том, необходимо ли наделять правосубъектностью физического лица искусственный интеллект, если поставить знак равенства между деликтоспособностью физических и «электронных лиц» объективно невозможно? Не отвечает на такие вопросы и модель юридического лица. Несмотря на то, что его главная особенность заключается в ограниченности ответственности, так или иначе эта грань стирается (например, внедрением доктрины прокалывания корпоративной вуали), всё больше демонстрируя, что деятельность физических лиц непосредственно влияет и составляет ядро деятельности юридического лица. Однако такого нельзя сказать о юнитах, становящихся все более независимыми и самостоятельными материальными сущностями.

²² Шестак В. А., Волеводз А. Г. Современные потребности правового обеспечения искусственного интеллекта: взгляд из России. Всероссийский криминологический журнал, 2019. Т. 13. С. 202.

²³ См.: Hallevy G. Liability for Crimes Involving Artificial Intelligence Systems. Dordrecht: Springer, 2015. 262 p.

²⁴ См. Ястребов О. А. Искусственный интеллект в правовом пространстве: концептуальные и теоретические подходы. Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ: сб. материалов к XII Ежегод. науч. чтением памяти проф. С. Н. Братуся. 2017. С. 271–274.

²⁵ См. Recommendation of Parliamentary Assembly of the Council of Europe [Electronic resource]. Technological Convergence, Artificial Intelligence and Human Rights, 2017. No. 2102. URL: <https://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=23726&lang=en> (дата обращения: 03.02.2022).

Проблема ответственности юнита осложняется также и тем, что затрагивает такие важные блага, как жизнь и здоровье, поскольку наиболее ощутимо влияние искусственного интеллекта в социальной действительности в его взаимодействиях с физическим лицом (медицинские вмешательства, управление транспортными средствами и пр.). Высокая автономность, адаптация, саморекоррекция, но в то же время отсутствие полного контроля и исчерпывающих знаний делают контакт юнита и человека непредсказуемым, нуждающимся в повышенной защите. Использование искусственного интеллекта в различных системах автоматически относит объекты, на базе которых они функционируют, к объектам повышенной опасности, например транспортные средства, управление которыми осуществляется с использованием юнитов. Эти объекты используются в деятельности человека, а соответственно, потенциально могут создать угрозу его жизни и здоровью. Особенности искусственного интеллекта, демонстрирующие высокий уровень вариативности действий, их независимость, но при этом исключающие осознанность им этих действий, не позволяют строить механизм правового регулирования в части ответственности по существующим моделям. Учитывая, что указанные блага являются важнейшими, вопросы регулирования общественных отношений, связанных с ними, для права являются приоритетными.

Широко известным инцидентом, выступающим ярким примером сказанному, стало произошедшее в США столкновение беспилотного автомобиля и велосипедиста, повлекшее смерть последнего²⁶. По мере установления определенных фактов и обстоятельств вопрос об ответственности периодически менял свой вектор. В 2018 г. обвинение было предъявлено компании Uber, которая осуществляла тестирование беспилотных автомобилей и внедряла их в социальную жизнь (в том числе и участвовавшего в ДТП). В качестве доказательной базы использовались ссылки на различные недостатки в функционале транспортного средства на базе искусственного интеллекта. Однако в 2020 г. лицо, привлекаемое к ответственности, сменилось, и обвинение в причинении смерти по неосторожности было предъявлено водителю, поскольку было установлено, что лицо не соблюдало требования безопасности (отвлечение водителя, отсутствие наблюдения и возможного контроля функционирования транспортного средства и пр.)²⁷. В настоящее время окончательное решение по делу не вынесено, однако важным является то, что юнит изначально не рассматривался как субъект указанных отношений, а выступал в роли объекта — источника повышенной опасности. Несмотря на широкие возможности искусственного интеллекта, отсутствие у него самосознания возлагает обязанность контроля и полного соблюдения всех необходимых требований на оператора и играет решающую роль при выяснении ответственного лица.

Поэтому законодатель хоть и ищет варианты наделения юнита, например, гражданскими правами и обязанностями, привлечение его к ответственности не предусматривает, оставляя его правовой статус на стыке объекта и субъекта права. По этой же причине нормативное регулирование в сфере искусственного интеллекта крайне мало, а предпринятые попытки закрепить его проявления в социальной жизни жестко оговариваются. При этом наблюдается тенденция возложения ответственности, прежде всего, на оператора (водителя) как на лицо, обладающее преимуществами осознанности и самосознания, способное контролировать (хоть и ограниченно) и своевременно вмешиваться в чрезвычайную ситуацию. Об этом свидетельствует не только приведенный пример, но и нормативные правовые акты различных государств. Так, например, в Германии в Законе о легализации автоматических транспортных средств²⁸ сохраняется ответственность *halter* (водителя, владельца) при использовании беспилотных транспортных средств. В Российской Федерации законодатель также особо подчеркивает, что «человеческий фактор, как и в процессе традиционного ручного управления, по-прежнему сохраняет свою ключевую роль в обеспечении безопасности дорожного движения высокоавтоматизированных транспортных средств»²⁹, а Постановление Правительства РФ от 26.11.2018 № 1415 «О проведении эксперимента по опытной

²⁶ См.: Driverless Uber Car “not to Blame” for Woman’s Death. The Times. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/driverless-uber-car-not-to-blame-for-woman-s-death-klkbt7vf0> [Electronic resource] (дата обращения: 02.02.2022).

²⁷ См.: Safety Driver in 2018 Uber Crash is Charged with Negligent Homicide. ArsTechnica [Electronic resource]. URL: <https://arstechnica.com/cars/2020/09/arizona-prosecutes-uber-safety-driver-but-not-uber-for-fatal-2018-crash/> (дата обращения: 02.02.2022).

²⁸ См.: Achten Gesetz zur Änderung des Straßenverkehrsgesetzes 20.06.2017 [Electronic resource]. URL: https://www.bgbl.de/xaver/bgbl/start.xav?startbk=Bundesanzeiger_BGBl#_bgbl_%2F%2F%5B%40attr_id%3D%27bgbl217s0682.pdf%27%5D_1633592800793 (дата обращения: 03.02.2022).

²⁹ Распоряжение Правительства РФ от 25.03.2020 № 724-р «Об утверждении Концепции обеспечения безопасности дорожного движения с участием беспилотных транспортных средств на автомобильных дорогах общего пользования». Собрание законодательства Российской Федерации. 30.03.2020. № 13. Ст. 1995.

эксплуатации на автомобильных дорогах общего пользования высокоавтоматизированных транспортных средств» содержит обязательные требования к необходимой профессиональной квалификации водителей транспортных средств³⁰. Несмотря на то, что изготовители также могут отвечать за вред, причиненный конструктивными недостатками объекта, предугадать поведение юнита и его взаимосвязь с этими недостатками крайне сложно, в связи с чем большая часть вопросов об ответственности касается именно оператора.

Иногда в литературе встречаются идеи о «цифровой ответственности» роботов³¹, однако насколько это в действительности может отвечать целям привлечения к юридической ответственности и может быть согласовано с существующими концепциями правосубъектности физических и юридических лиц, которые не несут цифровую ответственность в том смысле, который предполагается в отношении искусственного интеллекта?

Кроме того, Алжбета Краузова отмечает, что остаются вопросы о последствиях создания правового статуса «электронного лица» — в частности, не приведет ли это к нарушению функционирования общества и использованию отдельными субъектами такого статуса с целью уклонения от личной ответственности³².

Некоторые исследователи указывают, что при определении особенностей правового статуса «электронного лица» необходимо учитывать, что такое лицо может представлять собой интегральное сочетание одновременно субъекта права и объекта права³³, однако такая точка зрения вступает в конфронтацию с пониманием места искусственного интеллекта в правовом поле и порождает вопросы, где заканчивается объект и начинается субъект и каким образом это регулировать. Также подобное сочетание может привести к смешению категорий субъекта и объекта (как элементов) в правоотношениях.

Концепция «электронного лица» как технико-юридического образа³⁴ предлагает совершенно иное понимание искусственного интеллекта как явления, однако не позиционирует себя как концепцию правосубъектности. При этом образ не может заменить собой субъект или объект. Выстроенная модель доминирования субъекта над объектом и возможность совершения с ним определенных действий вынуждает к четкому определению положения искусственного интеллекта с точки зрения отнесения к объекту или субъекту.

Важно и то, что признание юнита субъектом не только затрагивает вопросы экономической целесообразности³⁵, но и влечет правовые последствия в виде определения круга прав и обязанностей, что не ограничивается только закреплением их де-юре, но и требует инструментов их реализации и обеспечения. Права и обязанности находятся во взаимосвязи с юридической ответственностью, в рамках которой в том числе преследуется цель разделения этой ответственности между человеком и искусственным интеллектом. Все это требует конкретных, эффективных и объективно работающих инструментов регулирования юнитов, что в первую очередь предполагает решение вопроса об их юридической природе. Однако путь наделения юнита свойствами субъекта права не может повторять существующие модели правосубъектности физического и юридического лиц ввиду различной природы, характеристик и особенностей систем искусственного интеллекта. Таким образом, конструирование правового статуса «электронного лица» путем абсолютного использования концепций правосубъектности физического и юридического лица является необоснованным.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы:

1. Различные существенные характеристики физических лиц и искусственного интеллекта (электронного лица), а как следствие, несовпадение критериев наделения их статусом субъекта права, препятствуют отождествлению таких лиц с правовой точки зрения.

³⁰ См.: Постановление Правительства РФ от 26.11.2018 № 1415 «О проведении эксперимента по опытной эксплуатации на автомобильных дорогах общего пользования высокоавтоматизированных транспортных средств». Собрание законодательства Российской Федерации. 03.12.2018. № 49. Ст. 7619.

³¹ См.: Лаптев В. А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу / Право. Журнал Высшей школы экономики, 2019. № 2 С. 79–102.

³² См.: Krausova A. Intersections Between Law and Artificial Intelligence. International Journal of Computer, 2017. Vol. 27. №. 1. P. 55–68.

³³ См.: Лаптев В. А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу / Право. Журнал Высшей школы экономики, 2019. № 2 С. 79–102.

³⁴ См.: Морхат П. М. Правосубъектность юнита искусственного интеллекта: некоторые гражданско-правовые подходы. Вестник Костромского государственного университета, 2018. № 3. С. 280–283.

³⁵ См.: Гаджиев Г. А. Является ли робот-агент лицом? (Поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики). Журнал российского права, 2018. № 1. С. 102–107.

Это приводит к тому, что существующие концепции правосубъектности в отношении юнитов не имеют своего действия и смоделировать конструкцию правосубъектности «электронного лица» на настоящем этапе, основываясь на таких концепциях, не представляется эффективным.

2. Искусственный интеллект имеет свои специфические особенности, главная из которых заключается в отсутствии самосознания, а как следствие, воли и морально-нравственного багажа (других источников воплощения такой воли), что выступает препятствием для решения вопросов дееспособности и волееспособности на настоящем этапе развития общественных отношений.
3. Ввиду несоответствия искусственного интеллекта всем условиям юридической ответственности, в первую очередь условию вины, искусственный интеллект лишен деликтоспособности, а ответственность за его проявления в социальной действительности возложена на физическое лицо.

Несмотря на то, что изменения, в рамках которых признается правосубъектность новых юнитов, являются реакцией на культурные и экономические трансформации, не результатом какого-либо предварительного планирования общества³⁶, а юнит сохраняет свою позицию в качестве объекта права, необходимость регламентации проявлений искусственного интеллекта (его свойств как субъекта) в правовом пространстве все же присутствует. Это подтверждает современная действительность, где скорость модернизации общественных отношений определяется лишь интенсивностью развития технологий, которая уже достигает больших значений.

Анализируя вышеизложенное, юнит искусственного интеллекта в современных ограниченных условиях в части предпосылок урегулирования его как субъекта права наиболее близок в своем развитии к понятию «квазисубъекта».

Поскольку для квазисубъекта характерно следующее³⁷:

1. Как официальное, так и неофициальное признание правоспособности, что отражает попытки моделирования статуса искусственного интеллекта в нормативных правовых актах, а также в различных проектах и актах рекомендательного характера.
2. Обладание лишь некоторыми признаками правосубъектности при отсутствии других.
3. Отведение ему особой роли в виде наделения прав, в отсутствии других компонентов, таких как юридические обязанности и ответственность, свойственных субъекту права, что отражает ранее изложенные позиции, в частности о невозможности искусственного интеллекта нести ответственность за совершенные действия.

Статус электронного лица как квазисубъекта будет предметом дальнейших исследований, однако стоит отметить, что такой статус не ограничивает дальнейшее развитие искусственного интеллекта по мере решения связанных с ним правовых проблем.

Литература

1. Гаджиев Г. А. Является ли робот-агент лицом? (Поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики). Журнал российского права, 2018. № 1. С. 15–30. DOI: 10.12737/a^_2018_1_2.
2. Иоселиани А. Д. «Искусственный интеллект» vs человеческий разум. Манускрипт, 2019. Т. 12. С. 102–107.
3. Крысанова Н. В. К вопросу о правосубъектности и правовом развитии искусственного интеллекта. Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. Реферативный журнал, 2021. № 1. С. 23–31. DOI: 10.31249/rgpravo/2021.01.02.
4. Лаптев В. А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу. Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 79–102. DOI: 10.17-323/2072-8166.2019.2.79.102.
5. Морхат П. М. К вопросу о правосубъектности «электронного лица». Юридические исследования. 2018. № 4. С. 1–7. DOI: 10.25136/2409-7136.2018.4.25647.
6. Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы. Дис. ... канд. юрид. наук. М.: РГАИС, 2018.
7. Морхат П. М. Правосубъектность юнита искусственного интеллекта: некоторые гражданско-правовые подходы. Вестник Костромского государственного университета, 2018. № 3. С. 280–283.
8. Морхат П. М. Юнит искусственного интеллекта как электронное лицо. Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 2. С. 61–73. DOI: 10.18384/2310-6794-2018-2-61-73.

³⁶ См.: Willick M. S. Artificial Intelligence: Some Legal Approaches and Implications. AI Magazine, 1983. Vol. 4. № 2. P. 5–16.

³⁷ Пономарева Е. В. Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения. Дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург.: УрГЮУ, 2019. С. 9–10.

9. Пономарева Е. В. Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения. Дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург: УрГЮУ, 2019.
10. Шестак В. А., Волеводз А. Г. Современные потребности правового обеспечения искусственного интеллекта: взгляд из России. *Всероссийский криминологический журнал*, 2019. Т. 13. С. 197–206. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(2).197-206.
11. Ястребов О. А. Искусственный интеллект в правовом пространстве: концептуальные и теоретические подходы. Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ: сб. материалов к XII Ежегод. науч. чтениям памяти проф. С. Н. Братуся. М.: Статут, 2017. С. 271–283.
12. Bryson J. J., Diamantis M. E., Grant T. D. Of, for, and by the People: the Legal Lacuna of Synthetic Persons [Electronic resource]. University of Cambridge Faculty of Law Research Paper, 2018. No. 5. URL: https://www.researchgate.net/publication/320046311_Of_for_and_by_the_people_the_legal_lacuna_of_synthetic_persons (дата обращения: 03.02.2022). DOI: 10.1007/s10506-017-9214-9.
13. Chopra S., White L. Artificial Agents — Personhood in Law and Philosophy [Electronic resource]. ESAI, 2004. URL: <http://www.sci.brooklyn.cuny.edu/~schopra/agentlawsub.pdf> (дата обращения: 03.02.2022).
14. Hallevy G. Liability for Crimes Involving Artificial Intelligence Systems. Dordrecht: Springer, 2015. 262 p.
15. Hubbard F. P. Do androids dream? Personhood and Intelligent Artifacts. *Temple Law Review*, 2011. Vol. 83. P. 405–474.
16. Krausova A. Intersections Between Law and Artificial Intelligence. *International Journal of Computer*, 2017. Vol. 27. No. 1. P. 55–68.
17. Turing A. Computing Machinery and Intelligence. *Mind*, 1950. Vol. 59. No. 236. P. 433–460.
18. Weitzenboeck E. M. Electronic Agents and the Formation of Contracts. *International Journal of Law and Information Technology*, 2001. Vol. 9. No. 3. P. 204–234.
19. Willick M. S. Artificial Intelligence: Some Legal Approaches and Implications. *AI Magazine*, 1983. Vol. 4. No. 2. P. 5–16.

References

1. Gadzhiev, G. A. Is Robot Agent a Person? (Search for Legal Forms to Regulate the Digital Economy) [Yavlyaetsya li robot-agent licom? (Poisk pravovyh form dlya regulirovaniya cifrovoj ekonomiki)]. *Journal of Russian Law [Zhurnal rossiiskogo prava]*, 2018. No. 1, P. 15–30. (In Rus.)
2. Ioseliani, A. D. “Artificial Intelligence” vs Human Intelligence [Iskusstvennyj intellekt vs chelovecheskij razum]. *Manuskript [Manuskript]*, 2019. Vol. 12. P. 102–107. (In Rus.)
3. Krysanova, N. V. On the Issue of Legal Personality and Legal Development of Artificial Intelligence [K voprosu o pravosub"ektnosti i pravovom razvitii iskusstvennogo intellekta]. *Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Ser. 4: State and Law. Abstract journal [Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 4: Gosudarstvo i pravo. Referativnyj zhurnal]*, 2021. № 1. P. 23–31. (In Rus.)
4. Laptev, V. A. Artificial Intelligence and Liability for Its Work [Ponyatie iskusstvennogo intellekta i yuridicheskaya otvetstvennost' za ego rabotu]. *Law. Journal of the Higher School of Economics [Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki]*, 2019. No. 2. P. 79–102. (In Rus.)
5. Morkhat, P. M. To the Question of the Legal Personality of an “Electronic Person” [K voprosu o pravosub"ektnosti “elektronnoogo lica”]. *Legal research [Yuridicheskie issledovaniya]*, 2018. No. 4. P. 1–7. (In rus)
6. Morkhat, P. M. The Legal Personality of Artificial Intelligence in the Field of Intellectual Property Law: Civil Law Problems [Pravosub"ektnost' iskusstvennogo intellekta v sfere prava intellektual'noj sobstvennosti: grazhdansko-pravovye problem]. *Thesis. ... Cand. of Law Sciences. M., 2018.*
7. Morkhat, P. M. The Legal Personality of the Artificial Intelligence Unit: Some Civil Law Approaches [Pravosub"ektnost' yunita iskusstvennogo intellekta: nekotorye grazhdansko-pravovye podhody]. *Bulletin of Kostroma State University [Vestnik Kostromskogo Gosudarstvennogo Universiteta]*, 2018. No. 3. P. 280–283. (In Rus.)
8. Morkhat, P. M. Artificial Intelligence Unit as Electronic Personality [Yunit iskusstvennogo intellekta kak elektronnoe lico]. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence [Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudenciya]*, 2018. No. 2. P. 61–73. (In Rus.)
9. Ponomareva, E. V. Subjects and quasi-subjects of law: theoretical and legal problems of differentiation [Sub"ekty i kvazisub"ekty prava: teoretiko-pravovye problemy razgranicheniya]. *Thesis. ... Cand. of Law Sciences. Yekaterinburg, 2019. (In Rus.)*
10. Shestak, V. A., Volevodz, A. G. Modern requirements of the legal support of artificial intelligence: a view from Russia [Sovremennye potrebnosti pravovogo obespecheniya iskusstvennogo intellekta: vzglyad iz Rossii]. *Russian Journal of Criminology [Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal]*, 2019. Vol. 13. P. 197–206. (In Rus.) DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(2).197-206.
11. Yastrebov, O. A. Artificial intelligence in the legal space: conceptual and theoretical approaches [Iskusstvennyj intellekt v pravovom prostranstve: konceptual'nye i teoreticheskie podhody]. *Legal personality: general theoretical, sectoral and international legal analysis: collection of materials for the 12th annual scientific readings of the memory of Prof. S. N. Bratus [Pravosub"ektnost': obshcheteoreticheskij, otraslevoj i mezhdunarodno-pravovoj analiz: sb. materialov k 12-m ezhegod. nauch. chteniyam pamyati prof. S.N. Bratusya]*. 2017. P. 271–274. (In Rus.)
12. Bryson, J. J., Diamantis, M. E., Grant, T. D. Of, for, and by the People: the Legal Lacuna of Synthetic Persons [Electronic resource]. University of Cambridge Faculty of Law Research Paper, 2018. No. 5. URL: https://www.researchgate.net/publication/320046311_Of_for_and_by_the_people_the_legal_lacuna_of_synthetic_persons (Access date: 03.02.2022). DOI: 10.1007/s10506-017-9214-9.

13. Chopra, S., White, L. Artificial Agents — Personhood in Law and Philosophy [Electronic resource]. ESAI, 2004. URL: <http://www.sci.brooklyn.cuny.edu/~schopra/agentlawsub.pdf> (Access date: 03.02.2022).
14. Hallevy, G. Liability for Crimes Involving Artificial Intelligence Systems. Dordrecht: Springer, 2015. 262 p.
15. Hubbard, F. P. Do Androids Dream? Personhood and Intelligent Artifacts. Temple Law Review, 2011. Vol. 83. P. 405–474.
16. Krausova, A. Intersections Between Law and Artificial Intelligence. International Journal of Computer, 2017. Vol. 27. No. 1. P. 55–68.
17. Turing, A. Computing Machinery and Intelligence. Mind, 1950. Vol. 59. No. 236. P. 433–460.
18. Weitzenboeck, E. M. Electronic Agents and the Formation of Contracts. International Journal of Law and Information Technology, 2001. Vol. 9. No. 3. P. 204–234.
19. Willick, M. S. Artificial Intelligence: Some Legal Approaches and Implications. AI Magazine, 1983. Vol. 4. No. 2. P. 5–16.